

УДК 327.8

*Синенко И.Ю.
Sinenko I.Yu.*

Перспективы «поворота на Восток» в контексте текущего геополитического положения России в Северо-Восточной Азии

**Prospects of «Eastern Pivot» in frames of current geopolitical position
of Russia in the Northeast Asia**

Ухудшение отношений с западными странами подтолкнуло Россию к резкой интенсификации сотрудничества с государствами Северо-Восточной Азии. Однако реальное содержание «поворота на Восток» по-прежнему остаётся не до конца определённым. Автор стремится ответить на вопрос, имеет ли такая политика долгосрочные цели или является лишь ответом на украинский кризис? Делается попытка выявить наличие естественных «ограничителей» в развитии отношений с данными странами и оценить возможности Москвы влиять на региональные процессы в текущих условиях. Для этого анализируется текущее геополитическое положение России в регионе через призму развития двусторонних отношений с КНР, Японией и Республикой Корея.

Ключевые слова: *Северо-Восточная Азия, «поворот на Восток», «балансир», стратегическое партнёрство, региональная безопасность, КНР, Япония, Республика Корея*

The deterioration of relations with Western countries has pushed Russia to sharp intensification of cooperation with the countries of the Northeast Asia. But the substantial form of the «Eastern Pivot» is still not fully determined. The author seeks to answer the question whether such a policy has long-term goals, or it is merely a response to the Ukrainian crisis? An attempt is made to identify the presence of natural «constraints» in the development of relations with these countries and to assess Moscow's ability to influence regional processes in the current environment. Therefore, it analyses current geopolitical position of Russia in the region through the prism of bilateral relations with China, Japan and the Republic of Korea.

Key words: *Northeast Asia, «Eastern Pivot», «balancer», strategic alliance, regional security, PRC, Japan, Republic of Korea*

Украинский конфликт и смена российских внешнеполитических приоритетов

Система международных отношений, формирующаяся после завершения холодной войны, уже более 20 лет движется не по чётко заданной траектории, а скорее по инерции. Такой феномен несовершенства управления общепланетарными процессами стал результатом стихийно развивавшегося процесса глобализации, который ослабил государственнo-центричный характер международных отношений и вывел на между-

народный уровень многие проблемы, до этого времени характерные в основном для внутригосударственных процессов. В свою очередь, рост числа угроз безопасности – как национальной, так и глобальной – неизбежно приводит к увеличению количества конфликтов. При этом условия новой международной среды способствуют их тотализации. Любой, даже весьма локальный, на первый взгляд, конфликт может обрести глобальный характер ввиду вовлечения большого числа участников: как государств, так и негосударственных акторов (наёмников, террористических элементов, глобальной организованной преступности и др.). При этом продолжающаяся «гонка» ведущих держав за перекройку и обретение новых сфер влияния фактически не оставляет на карте мира стран и территорий, не обладающих важностью с геэкономической и геостратегической точек зрения.

Действительно, наиболее заметные конфликты последнего времени – в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии – в условиях другого исторического контекста вряд ли обрели бы то значение в мировой политике, которого они смогли достичь. Длющийся уже более двух лет конфликт на Украине тоже на первый взгляд вряд ли соответствует масштабу влияния, оказанного им в итоге на отношения между ведущими мировыми игроками. Начавшись с уличных протестов оппозиции против решения руководства в Киеве отложить подписание соглашения с Европейским Союзом о политической и экономической ассоциации, ситуация переросла во внутригражданское вооружённое противостояние, со временем расколовшее страну на две части. Однако сыграла свою роль объективная вовлечённость во внутренние дела Украины таких игроков, как Россия, США и ЕС, вызванная чрезвычайной важностью её расположения, способного в значительной степени определять геополитический расклад сил на европейском континенте [1, с. 62]. Отношения между Москвой, с одной стороны, и Вашингтоном и Брюсселем – с другой, дали серьёзную трещину. На всем протяжении внутриукраинского противостояния обе стороны обвиняют друг друга в подстрекательстве конфликта и разрушении основных принципов сохранения международной безопасности, выработанных после Второй мировой войны [16].

Столь острая полемика обернулась не только фактическим сворачиванием дипломатических контактов, но и введением обоюдных экономических и торговых санкций. Санкции, введённые США, Японией и европейскими странами, значительно ограничили возможности российской банковской системы, импорт высокотехнологичной продукции, а также запрет для ряда представителей российского политического истеблишмента посещать вышеуказанные государства и владеть имуществом на их территории. Соответствующие меры не нанесли фатального урона российской экономике и не заставили Москву, как предполагали вводившие их страны, изменить свою политику в данном конфликте. В то же время они способствовали двум процессам: во внутренней политике – движению в сторону т.н. импортозамещения, а во внешней – диверсификации торговых и политических связей на международной арене. В этих условиях Россия была вынуждена ещё больше активизировать диалог с представителями других континентов и регионов. При этом главная ставка, в виду наличия наибольшего потенциала для углубления сотрудничества, была сделана Москвой на страны Северо-Восточной Азии (СВА) и получила прижившееся в прессе клише «поворота на Восток» [19, с. 9].

Логика «тихоокеанского поворота» российской политики

Сама по себе идея интенсифицировать сотрудничество с азиатскими странами не явилась прямым следствием украинского кризиса в российской политике. Необходимость активизации на азиатско-тихоокеанском направлении декларировалась ещё руководством Советского Союза, начиная с «владивостокской» речи М. Горбачёва в 1986 году, в которой он обращал внимание на «поиск путей, ведущих к согласию и к созданию открытых связей между государствами» для успешной экономической интеграции СССР со странами региона [6, с. 24–25]. Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), один из самых влиятельных советских научно-исследовательских институтов, открыл в 1985 году Отдел по изучению тихоокеанского региона, а также стал базой для Национального комитета СССР по Азиатско-Тихоокеанскому сотрудничеству, продвигавшего коммерческие связи между Москвой и растущими азиатскими экономиками.

В то время, равно как и сейчас, укрепление связей с АТР рассматривалось прежде всего в контексте развития дальневосточных регионов нашей страны. В 1987 г. была принята «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.», предполагавшая за 15 лет нарастить экономический потенциал, равный накопленному в регионе за весь предыдущий советский период [21, с. 143].

В 1990-ые и 2000-ые годы – время бурного экономического роста многих государств АТР (за исключением кризиса 1997–1998 гг.) – Россия присоединилась практически ко всем значимым региональным переговорным форматам (АТЭС, Региональный форум АСЕАН, Восточноазиатский саммит, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Шестисторонние переговоры по ядерной проблеме КНДР и др.) [24, с. 3]. Вместе с тем, на фоне общего устойчивого экономического роста, в 2006 г. Москвой вновь был поднят вопрос о приоритетном развитии Дальнего Востока, в том числе с целью обеспечить через такое развитие «эффективное участие в региональных интеграционных процессах, а также углубление двусторонних связей и приграничного сотрудничества» [3].

Несмотря на это, Россия в то же время не спешила проявлять себя в регионе и выступать с реальными инициативами, однако этому можно найти объяснение. Москва пыталась выстраивать свой внешнеполитический курс исходя из принципа многовекторности и приверженности «многосторонней дипломатии», надеясь, прежде всего, извлечь преимущества из возможности сохранять одинаково хорошие, рабочие отношения со всеми ведущими игроками, а также играть роль «ретранслятора» позиций своих партнёров в тех организациях, где они не представлены. В определённый момент Россия оказалась в уникальном положении, став *единственным* государством в мире, входившим в такие разносторонние по своей политической и даже идеологической окраске институты, как: «Большая восьмёрка» (G8), «Большая двадцатка» (G20), БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Совет Европы и др.

Тем примечательнее, что в процессе эскалации украинского кризиса страны Запада в первую очередь отстранили Россию от работы в G8 и, путём систематического лишения права голоса и возможности работы в комитетах Парламентской Ассамблеи, фактически заблокировали её деятельность внутри органов Совета Европы. Тем самым, Россия во многом лишилась своей роли «балансира» между Атлантическим и Тихим океанами, составлявшей сущность её многовекторной политики. Хотя до введения санкций доля экспорта России в страны Евросоюза, по

разным данным, колебалась в диапазоне 45–50% от общего объёма, ЕС являлся крупнейшим покупателем российских энергоресурсов [14], а общим культурным и деловым связям придавалось большое значение, в кризисный момент эти обстоятельства оказались не столь важными. Существенная политическая зависимость ряда государств Европы от Соединённых Штатов и игнорирование российских предложений 2008–2009 г. по созданию общего пространства безопасности на континенте (построение так называемой «Большой Европы»), вызванное сохраняющимся недоверием к России многих стран Старого Света со времён холодной войны, вступили в противоречие с базовыми установками российской политики, направленной на постепенное движение к многополярному миру.

С другой стороны, на тихоокеанском побережье Россия находится в окружении государств, которые на данный момент ещё не играют для неё столь значимой торгово-экономической роли, но в целом разделяют её видение будущей мировой системы (Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика), или, по крайней мере, не отвергают категорично возможность дискуссии по этому поводу (Япония, Республика Корея). При этом они не указывают Москве, что ей следует действовать согласно правилам, принятым «цивилизированным международным сообществом» (под которым традиционно подразумеваются США и страны Западной Европы). В то же время страны СВА нуждаются в природных и энергетических ресурсах России не меньше европейцев. Некоторые зарубежные аналитики даже высказывали предположение, что российские чиновники намеренно подчёркивали повышение интенсивности переговоров об энергопоставках в Азию, чтобы на фоне охлаждения отношений «позлить» западные страны (поскольку Россия в любом случае была бы вынуждена заняться этими вопросами в ближайшие годы) [27].

Также все более активно развивается сотрудничество России с государствами региона в военно-технической сфере, что вызвано процессом модернизации и наращивания систем вооружений практически всеми странами АТР, в особенности в СВА. Это объясняется как наличием нескольких серьёзных территориальных конфликтов – японо-китайского спора об островах Дяоюйдао/Сенкаку, японо-корейского – об островах Такэсима/Токто, многостороннего конфликта вокруг архипелага Спратли, а также вокруг ядерной проблемы Корейского полуострова [8, с. 149]. Доля России на рынке вооружений и военной техники стран АТР до недавнего времени составляла около 20%, при этом в условиях наращивания закупок КНР и Индией можно ожидать её увеличения.

Таким образом, у России, безусловно, есть потенциал для влияния на процессы, протекающие как в АТР в целом, так и в СВА в частности. Вместе с тем, очевидно, что этот потенциал влияния имеет свои границы, которые определяются состоянием двусторонних отношений Москвы с государствами СВА.

Китай: стратегический партнёр № 1

Главным стратегическим союзником для России на сегодняшний день как в рассматриваемом регионе, так и во всем мире является Китай. Самая быстрорастущая экономика планеты интересна Москве ещё и по причине возможности через трансграничное взаимодействие ускорить развитие Сибири и дальневосточного региона, испытывающих острый дефицит инвестиций. Хотя на этом пути есть немало трудностей: несмотря на значительный прогресс в двусторонних отношениях РФ и КНР на высшем государственном уровне (названных в августе 2015 г. мини-

стром иностранных дел С. Лавровым «лучшими за всю историю» [15]), на уровень сотрудничества приграничных субъектов и провинций (причём как между администрациями, так и бизнесменами) эти процессы практически не влияют. Несмотря на принятые в 2011–2012 годах некоторые послабления в пограничном контроле и возможность упрощённого пересечения границы для посещения близлежащих областей, туристический поток между странами резко не увеличился. Китайские предприниматели не торопятся инвестировать в Дальний Восток – как правило, все сводится к созданию в приграничных местностях единичных производств сельскохозяйственного типа. При этом речь идёт, как правило, о «варварском» методе посевов и «эксплуатации» почв, после чего продукция ввозится обратно в Китай (т.е. Россия используется по сути лишь как база для выращивания). Технологичные производства практически не создаются, а те, что создаются, зачастую не выдерживают конкуренции с уже имеющимися российскими конкурентами.

При этом на фоне санкций западных государств КНР выглядит для России самым перспективным «партнёром-заменителем». Сделка между Газпромом и CNPC о строительстве газопровода «Сила Сибири», заключённая в мае 2014 года, была наречена СМИ обоих государств «исторической» [22]. Продолжительность контракта (30 лет) и тот факт, что Китай станет крупнейшим потребителем российского газа, говорят об очень высоком уровне доверия между странами. Примечательно, что после заключения этой сделки некоторые политические обозреватели поспешили признать, что Россия в данных условиях практически ничего не потеряла, в то время как для ЕС такой поворот событий – серьёзнейшей стратегической просчёт [4].

В течение 2014 г. руководители финансово-экономического блока российского правительства совершили ряд ознакомительных поездок в Китай. Была создана межправительственная комиссия по приоритетным инвестиционным проектам с КНР под председательством И. Шувалова и первого вице-премьера Госсовета Чжан Гаоли. В условиях западных санкций главным интересом для российского бизнеса была возможность занимать средства на китайском рынке долгового капитала. Однако, как показал дальнейший опыт, эти ожидания не оправдались. Ведущие банки КНР (ICBC, China Construction Bank, Bank of China) не проводят межбанковские операции с участием российских контрагентов, при этом значительно сократив участие во внешнеторговых сделках и фактически действуя по отношению к российским банкам на схожих с «санкционными» условиях [18, с. 83–85].

Стоит отметить, что серьёзно меняется ситуация с упрощением допуска китайского капитала к управлению предприятиями стратегически важных отраслей российской экономики – энерго- и ресурсодобывающим и транспортным компаниям, портам и т.п. Настоящей неожиданностью стало анонсирование переговоров по покупке фирмой Sanxia блок-пакета акций энергохолдинга «РАО ЭС Востока» [12].

Многие западные, а также ряд российских аналитиков предупреждают, что подобными шагами Россия, учитывая несопоставимый уровень обладания высокими технологиями западных стран и КНР, просто фиксирует свою технологическую отсталость. Москва лишь создаёт иллюзию сохранения возможности проводить независимую внешнюю политику, но фактически полноценно втягивается в китайскую сферу влияния, после чего со временем Пекин сможет диктовать свои условия, когда у России не останется средств эффективно ему возражать [2, с. 36–38, 41]. В качестве аргументов в защиту этого тезиса говорится в частности, что КНР способна диверсифицировать российские энергопоставки за счёт

неуклонно развивающегося сотрудничества со странами Африки, Латинской Америки и Центральной Азии.

Однако не стоит забывать, что в контексте возможного глобального конфликта с Соединёнными Штатами, Китай не может рассматривать в качестве безопасного ни один маршрут, предполагающий доставку морем (что очевидно в случае с Африкой и Южной Америкой). Центрально-азиатские маршруты поставок, даже несмотря на активно развивающуюся идею Великого Шёлкового пути (трансевразийского по своей сути), уязвимы в виду своего неминуемого прохождения через Синьцзян-Уйгурский автономный округ – самую проблемную китайскую провинцию, эпизодически сотрясаемую терактами и существующую в крайне неспокойной политической обстановке. Не стоит забывать и о том, что в возможном американо-китайском конфликте Вашингтон практически не скрывает намерений сделать ставку на классическую «доктрину анаконды», т.е. заблокировать Китай по периметру его границ [28, с. 231–232]. Такая стратегия, даже в случае благоприятного для Америки развития ситуации на южных границах КНР и со стороны Центральной Азии (на тихоокеанском побережье, учитывая линию Япония-Тайвань-Филиппины, проблем у ВМС США возникнуть не должно), не сможет сработать без участия в ней России.

Поэтому для Китая сохранение и дальнейшее развитие отношений с Россией имеют далеко не только узкопрактическое, но и прямое стратегическое значение. В Пекине осознают, что, хотя сегодня американскому давлению подвергается именно Россия, в случае обострения ситуации в АТР, имеющем для Вашингтона все же гораздо большую важность, чем события в Европе, нельзя исключать вероятность «смены ролей» в геополитической игре США.

Исходя из вышеперечисленных причин, Россия и Китай сегодня объективно не имеют альтернативы друг другу в вопросах обеспечения своей безопасности в глобальном масштабе. Поэтому ряд совместных инициатив в этой области, таких как дальнейшее укрепление ШОС и расширение сферы её деятельности в АТР и Евразии в целом, а также проведение масштабных учений армий двух государств – это естественный процесс, который может быть использован Россией для усиления политического веса в АТР и СВА. Несомненно, он не будет гладким – едва ли КНР, рассматривая Восточную Азию как зону своего приоритетного влияния, не будет аккуратно препятствовать наращиванию регионального авторитета России в обход себя. В таком случае вместо абсолютного союзника Пекин со временем может получить в регионе «третью силу», способную внести радикальные изменения в геополитический расклад, необязательно удовлетворяющий китайским интересам. При этом сама КНР активно работает на центральноазиатском направлении, имеющем большое значение для реализации торгово-транспортных инициатив последнего времени, что неоднозначно оценивается Россией. Москва опасается остаться в стороне от глобальных китайских проектов, а также не стремится делиться влиянием в регионе, входящем в сферу её жизненных интересов. Тем не менее, эти противоречия не выглядят неразрешимыми в обозримой перспективе.

Япония: испытание на прочность

Страна восходящего солнца, несмотря на все свои трудности в экономике и политике, длящиеся уже несколько десятков лет, продолжает оставаться «второй силой» в Восточной Азии, без учёта мнения которой трудно выстраивать успешную политику на Тихом океане. При этом премьер-министр Синдзо Абэ, как никакой другой руководитель правитель-

ства последних лет, нацелен вывести Японию из внешнеполитического ступора и положения «ведомого» на международной арене, предпринимая для этого активные действия.

В 2011 году (впервые за сорок лет) Япония внесла кардинальные изменения в военную доктрину, сместив фокус главной угрозы с России на КНР [29]. При этом, несмотря на девятую статью Конституции, де-факто ставящую под запрет обзаведение любым наступательным потенциалом, Япония в последние годы систематически расширяет возможности действий своих сил самообороны. В условиях, когда общественное мнение все ещё не готово к полномасштабному пересмотру своих взглядов, кабинет Абэ пытается добиться возможности расширенного толкования права на коллективную самооборону.

Объявленная в 2013 г. и закреплённая затем в пакете новых программных военно-стратегических документов политика «активного пацифизма» лишь придаёт этим устремлениям японского истеблишмента правовую основу: приняты законы, разрешающие отправлять военнослужащих за рубеж для оказания вооружённой помощи дружественным государствам (даже если сама Япония при этом нападению не подвергается) [7], участвовать в разработке космического оружия, существенно смягчены запреты на экспортно-импортные операции с вооружениями. Сами политики объясняют это необходимостью «развязать военные руки» для более эффективного взаимодействия с союзниками и увеличения вклада Японии в миротворческие операции под эгидой ООН [25, с. 57–58].

С другой стороны, США, традиционно со времён Сан-Францисского договора 1951 года собственноручно обеспечивавшие безопасность своих главных союзников в регионе – Японии и Южной Кореи, сегодня «оптимизируют» свои внешнеполитические обязательства, обозначая, что пришло время заботиться о своей безопасности максимально самостоятельно [20]. Именно это и заставляет Японию заметно трансформировать своё поведение в области национальной обороны. Хотя в ситуации с антиросийской кампанией Вашингтону удалось убедить Токио ввести санкции, тем не менее, Абэ признает, что устойчивое развитие отношений с Россией имеет важный стратегический характер. Именно поэтому, по оценкам экспертов обеих стран, Япония выбрала для санкций те направления сотрудничества, по которым в ближайшее время и не могло быть достигнуто существенного прогресса – сотрудничество в военной сфере и в освоении космоса, экспорт оружия, переговоры о смягчении визового режима. Таким образом, Токио пожертвовал заведомо не очень важными для себя вещами, дабы формально удовлетворить пожелание США [28].

При этом Япония крайне настороженно относится к укреплению российско-китайского партнёрства, в особенности тесному военно-техническому сотрудничеству – по мнению Токио, одному из главных инструментов модернизации армии КНР. Дошло до того, что в японской прессе такое партнёрство было охарактеризовано как «открытое противопоставление японо-американскому союзу» [25, с. 199].

Сотрудничеству с Россией Япония не может найти альтернативы по ряду моментов. Это важно с геополитической точки зрения – не допустить полного окружения себя государствами, с которыми непростые, либо вовсе негативные отношения – уже сегодня это КНР, КНДР и отчасти Республика Корея. Беспрецедентны возможности энергетического партнёрства: из-за значительного снижения использования мирного атома после аварии на атомной станции Фукусима в 2011 г. потребности Токио в газе значительно выросли. В то же время «Роснефть» и «Газпром» заявляют о планах строительства новых мощностей по производству

сжиженного природного газа на Дальнем Востоке, и сама Россия предлагает совместную разработку месторождений тихоокеанского шельфа с созданием энергомоста, который будет использован для прямых поставок. Компании Mitsubishi и Mitsui уже сейчас участвуют в разработке газовых месторождений Сахалина [10]. Учитывая, что Япония покупает СПГ по самым высоким ценам в мире и в значительных объёмах, такого рода предложения являются для Токио настоящим «подарком судьбы».

Растёт спектр направлений сотрудничества в других сферах – например, несмотря на санкционную войну, компания Marubeni Corporation получила роль главного трейдера поставок российского зерна в Китай, обе Кореи, Тайвань и страны Юго-Восточной Азии [26]. Стоит отметить, что сами японцы считают отсутствие продовольственных санкций России в их сторону, в отличие от стран ЕС, самой яркой демонстрацией желания Москвы вбить клин между Японией и Западом.

Корейский полуостров: сдержанный оптимизм

Аналогично Японии вынуждена снижать роль стратегического союза с США в своей политике и Южная Корея. При этом в отличие от Токио, Сеул вот уже два года упорно сопротивляется Вашингтону в вопросе введения санкций. Своим курсом президент Пак Кын Хе пусть и не агрессивно, но очень последовательно отстаивает позицию на постепенное «выравнивание» отношений со всей «супер-тройкой» США – Россия – КНР, где Москве отводится роль партнёра не менее важного в вопросах торговли, экономического развития и помощи по диалогу об объединении полуострова, чем Вашингтону (хотя о вопросах безопасности в этом контексте говорить пока рано) [11, с. 71].

В этой связи особый оптимизм вопросам двусторонних отношений придаёт выдвинутая президентом Республики Корея в октябре 2013 года идея «Евразийской инициативы». Она подразумевает активизацию экономических связей для снятия напряжённости в межкорейских отношениях, а также в перспективе объединение на основе одного экономического блока и рынка стран Европы и Азии в единый суперконтинент Евразию [23, с. 315]. Создание такой «новой Евразии» невозможно без изменения ситуации в США, отягощённой проблемами территориальных споров и нарушения режима нераспространения ядерного оружия.

Эта инициатива очевидно созвучна с ключевыми идеями российской политики последнего времени – евразийской интеграции и превращения нашей страны в главный транспортно-соединительный узел между Атлантикой и Пацификой. Хотя не лишены определённой справедливости утверждения, что декларируя цель фактически глобального масштаба, на деле Сеул намерен в рамках этого проекта просто другими способами добиваться *своей* задачи №1 – объединения полуострова. Именно поэтому почти все проекты в рамках Евразийской инициативы, особенно энергетические и транспортные (включая транскорейскую железную дорогу), строятся с учётом обязательного вовлечения в них КНДР.

Но в этой связи логично задаться вопросом – кто из региональных игроков заинтересован в объединённой Корее? Стране, которая получит потенциально 75-миллионное население, новый качественный импульс экономического роста за счёт «северной» дешёвой рабочей силы, и вместо масштабных трат на противостояние своим соседям по полуострову пустит эти ресурсы на создание мощной экономики и вооружённых сил, становящихся сопоставимыми с другими ведущими азиатскими центрами [9, с. 80]. Очевидно, ни Японии, ни Китаю, учитывая тяжёлое историческое наследие отношений и борьбу за первенство в регионе, та-

кая Корея не нужна. США в свою очередь не захотят терять основания для мощного военного присутствия на полуострове, особенно с учётом все возрастающей мощи КНР. Таким образом, единственным заинтересованным субъектом в этом вопросе остаётся Москва – это позволит и устранить очаг напряжённости вблизи нашей границы, и уравновесить расклад в региональном «треугольнике» с Пекином и Токио.

Россия по-прежнему продолжает играть важную роль в урегулировании напряжённости на Корейском полуострове. Подтверждением этому служит международная реакция на проведённое 6 января 2016 г. в КНДР испытание предположительно водородной бомбы. Министр иностранных дел Японии Фумио Кисида, говоря о необходимости подготовки осуждающей испытание резолюции Совета Безопасности ООН, апеллировал прежде всего к РФ [13]. Стоит отметить, что в условиях заметного охлаждения отношений Пхеньяна с Пекином в последние годы (включая нехарактерный для двусторонних отношений факт, что нынешние лидеры двух государств ещё ни разу не встречались), вкупе с положительной динамикой развития отношений с Москвой, у России есть возможность попытаться взять инициативу по дальнейшему решению межкорейской проблемы в свои руки.

Однако при этом пока Сеул продолжает делать главную ставку в решении проблемы полуострова на КНР. Это связано как с более тесными, чем у России, политическими связями с Севером, так и с потенциальной возможностью стать более эффективным «экономическим посредником» между разделёнными странами. Вместе с тем, одним из результатов январского испытания КНДР стала активизация переговоров с США о размещении комплексов ПРО ТНААД, что негативно воспринимается и Россией, и КНР, опасаящихся, что Южная Корея, таким образом, может стать ключевым звеном в наращивании регионального сегмента американской системы ПРО.

Созвучие государственных интересов России и РК находит своё отражение в дипломатических шагах. Подписанное в ноябре 2013 года соглашение о безвизовом режиме для краткосрочных поездок было направлено на увеличение туристического обмена (россияне – одни из самых активно посещающих Южную Корею туристов) и активизации деятельности малого и среднего бизнеса Кореи в России. Российский рынок достаточно объёмный и близкий для Сеула, корейские компании вкладывают средства и создают производства в сфере бытовой электроники, автомобилестроения, пищевой промышленности – в том числе на Дальнем Востоке, где у южнокорейских компаний за последние годы сложилась репутация самых активных и добросовестных инвесторов. В 2014 году объём торговли между РФ и РК достиг довольно больших показателей – 27 млрд. долл., хотя после этого наметился небольшой спад.

При этом Южная Корея интересна России, в первую очередь, как страна, обладающая высокими технологиями: к ведущим корейским компаниям относятся Samsung Electronics Co., LG, Hyundai, Daelim, Lotte Group, Daewoo. В условиях запрета на сотрудничество с западными компаниями в высокотехнологичной сфере именно Сеул способен создать для нас запас прочности, столь необходимый для недопущения чувствительного отставания в данном сегменте за период налаживания собственной высокотехнологичной промышленности.

США: молчаливое сдерживание

В попытке «оптимизировать» свои союзы с Японией и Южной Кореей, Вашингтон тем не менее не отказывается от собственного силового позиционирования в регионе. Доказательством этого, в частности,

может служить планомерное развёртывание тихоокеанского сегмента национальной системы противоракетной обороны [5, с. 28]. Кроме того, в период президентства Барака Обамы в 2011 году был провозглашён американский «разворот» (*ориг. англ.* «pivot»), заключающийся в признании АТР как главного регионального приоритета для американских национальных интересов. В условиях зарождающегося полноценного стратегического союза между Россией и КНР Соединённые Штаты активизируют не только дипломатические, но и силовые инструменты (в виде перебазирования на Тихий океан 60% ВМС, усиления военных контингентов в Австралии, Сингапуре, на Филиппинах и Гуаме, а также активного использования инфраструктуры своих союзников).

Реализуя собственный «разворот» в АТР, США не обращают существенного внимания на российский. АТР в целом, и СВА в особенности, традиционно являются зоной повышенного внимания и исключительных интересов США, которые, несомненно, не готовы с энтузиазмом принять укрепляющуюся в регионе Россию. Тем не менее, «открытой» реакции на политику Москвы США не проявляют. Россия ни разу не фигурировала в программных выступлениях и документах, посвящённых американской политике в регионе. Не поступило РФ и предложения присоединиться к Транстихоокеанскому партнёрству. Фактически единственным интересом Вашингтона в данном случае является сдерживание развития российско-китайского стратегического альянса, для чего США пытается убеждать страны региона (в том числе и РФ) в гегемонистских устремлениях политики КНР, позиционируя себя в регионе в качестве «уравновешивающей» альтернативы. С другой стороны, ситуация с давлением на Токио и Сеул по поводу санкций способствовала ещё большему укреплению отношений Пекина и Москвы.

Несомненно, на сегодняшний день Россия не обладает той же степенью влияния на процессы, происходящие в Северо-Восточной Азии, которая у неё была до недавнего времени и до сих пор остаётся в Европе. Поэтому в случае серьёзной и системной переориентации своего внимания на Восток и, в первую очередь, в СВА, Москва ощутит определённые сложности. Этот регион не только не лишён конфликтного потенциала, но, в отличие от Европы, находится сейчас в стадии «перекраивания» расстановки сил. Геополитическая конкуренция между игроками носит жёсткий характер: помимо соперничества за формальное влияние на другие государства, отношения ведущих региональных игроков омрачают многочисленные территориальные споры. И если Россия планирует всерьёз геополитически утвердиться в СВА, то в конце концов ей придётся в каждом из этих конфликтов принимать чётко выраженную позицию, таким образом поддерживая одну из сторон и в какой-то степени лишая себя все той же роли «балансера» между региональными игроками.

Существенно ослабляет возможности российской тихоокеанской политики недостаточный уровень развития Дальнего Востока, динамика которого не оправдывает ожиданий Москвы. Вряд ли поспособствует этому и замедление темпов экономического роста в КНР, экспорт в которую составляет около 30% от всех внешнеторговых операций субъектов ДВФО [17]. Вместе с тем, в СВА ощутимо присутствие главного соперника России – США.

Таким образом, можно заключить, что активизация российской политики в СВА в последнее время является по большей части результатом конфликта на Украине и последующих разногласий с западными

странами. Несмотря на объективно существующие предпосылки к проведению более активного курса в регионе, которые находили отражение в заявлениях высших руководителей Москвы и ранее, пока качественный сдвиг произошёл только в отношениях с КНР. Это объясняется скорее схожим видением глобальных политических процессов, чем прагматической торгово-финансовой природой. В отношении же Японии и Южной Кореи, имеющих меньший вес в мировой политике, такого сдвига пока нет, хотя перспективы для расширения сотрудничества (несмотря на возможное американское противодействие) присутствуют, о чем неоднократно заявляли политики обоих государств.

При выстраивании российской политики в СВА имеет смысл отказать от существующей сейчас практики расстановки дипломатических приоритетов в отношении стран региона, при заметном крене в сторону КНР. Оценка важности двусторонних отношений не должна основываться только на ожидании политической помощи этих государств Москве в глобальном геополитическом соперничестве. Учитывая, что главной задачей расширения сотрудничества со странами СВА российское руководство называло ускорение развития Дальнего Востока, следует уделить большее внимание конкретным двусторонним проектам, способствующим притоку в ДВФО инвестиций и высокотехнологичных производств, причём использовать для этого региональный уровень взаимодействия.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы : [пер. с англ.] М.: АСТ, 2014. 702 с.
2. Братерский М.В., Суслов Д.В. Возвращение США на Тихий Океан // Политика США в АТР: Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. М., 2014. С. 8–44.
3. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности 20 декабря 2006 года // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378tyre82634_115648.shtml (дата обращения: 15.01.2016 г.).
4. Газовый контракт РФ и КНР лишил ЕС средств давления // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20140521/1008705512.html> (дата обращения: 15.01.2016 г.).
5. Гарусова Л.Н. Российско-американские отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: фактор Китая // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 22–37.
6. Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М.: Политиздат, 1987. 511 с.
7. Гордеев В. Впервые после 1945 года Япония узаконила использование армии за рубежом // РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/19/09/2015/55f5e87e9a79475559541ebc> (дата обращения: 15.01.2016 г.).
8. Губин А.В. Военно-техническое сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе: угрозы для России // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 146–162.
9. Губин А.В., Синенко И.Ю. Северо-Восточная Азия на пороге нового витка гонки вооружений // Ойкумена: регионоведческие исследования. 2013. № 4 (27). С. 75–83.
10. Золотова М. Энергомост из России в Страну восходящего солнца // Газета Труд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trud.ru/>

article/15-11-2015/1331009_energomost_iz_rossii_v_stranu_vosходjashego_solntsa.html (дата обращения: 15.01.2016 г.).

11. Ким Тхэ Хван. Евразийская инициатива: идеи и реалии // *The Future of the Northeast in the 21st century: from conflict to cooperation* (мат-лы межд. конференции). – Владивосток, 2014. С. 66–72.

12. Китай вольётся в российскую энергосистему // Газета Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2615293> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

13. Комментарий к событиям на Корейском полуострове // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://ihaefe.org/news/3806> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

14. Кравченко Л. Экономические санкции против России: вызовы и угрозы // Центр научной политической мысли и идеологии [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/events/ekonomicheskie-sanktsii-protiv-rossii-vyzovy-i-ugrozy> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

15. Лавров С.В. Уроки истории и новые рубежи // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://rg.ru/2015/08/23/uroki.html> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

16. Меркель: Россия нарушила послевоенный миропорядок в Европе // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/меркель-россия-нарушила-послевоенный-миропорядок-в-европе/a-18209533> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

17. Москаленко Ю. Дальний Восток как вызов // Новая газета. 2015. № 103. С. 54.

18. Новое позиционирование РФ в глобальном хозяйстве / Фонд «Институт современного развития». М., 2015, 127 с.

19. Песцов С.К. Внешнеполитический поворот России: куда ведёт новая дорога? // Восточный вектор российской политики и его политическое и экономические последствия: материалы круглого стола от 17 марта 2015 г. / под ред. В.Л. Ларина // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень, 2015. № 38 (236). С. 9–14.

20. Позен Б. Умерить пыл // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 1. С. 116–129.

21. Савченко А.Е. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 14–19 мая 2014 г.). Вып. 4 / Отв. ред. Д.В. Буяров и Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. 634 с.

22. «Сделка века»: Россия и Китай подписали крупнейший газовый контракт // Первый Канал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/259328> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

23. Севастьянов С.В. Конкуренция китайских и американских проектов регионализма и принципов их реализации в АТР // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма / науч. ред. С.В. Севастьянов; под общ. ред. А.Б. Волынчука. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т : Дальнаука, 2014. С. 296–318.

24. Севастьянов С.В. Модели регионализма и регионализации Восточной Азии. – Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора политических наук / МГИМО, Москва, 2009.

25. Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в АТР / МГИМО (У) МИД России. М.: Наука. Вост. лит., 2015. 279 с.

26. Япония подписала меморандум о росте поставок российского зерна до 5 млн тонн // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1058009> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

27. Keck Z. Amid Ukraine Crisis, Russia Pursues Energy Deals With Asia // *The Diplomat* [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2014/03/>

amid-ukraine-crisis-russia-pursues-energy-deals-with-asia (дата обращения: 15.01.2016 г.).

28. Luttwak E. *The Rise of China vs. the Logic of Strategy*. Cambridge. The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 310 p.

29. National Defense Program Guidelines for FY 2011 and beyond // Japan Ministry of Defense [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (дата обращения: 15.01.2016 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Bzhezinskij Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* : [per. s angl.] M.: AST, 2014. 702 s.

2. Braterskij M.V., Suslov D.V. *Vozvrashhenie SSHA na Tikhij Okean // Politika SSHA v ATR: Sb. nauchnykh trudov / RAN. INION. M., 2014. S. 8–44.*

3. *Vstupitel'noe slovo na zasedanii Soveta Bezopasnosti 20 dekabrya 2006 goda // Ofitsial'nyj sajt Prezidenta RF [Электронный ресурс]*. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378type82634_115648.shtml (дата обращения: 15.01.2016 г.).

4. *Gazovyj kontrakt RF i KNR lishil ES sredstv davleniya // RIA Novosti [Электронный ресурс]*. URL: <http://ria.ru/economy/20140521/1008705512.html> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

5. Garusova L.N. *Rossijsko-amerikanskie otnosheniya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: faktor Kitaya // Rossiya i ATR. 2014. № 3 (85). S. 22–37.*

6. Gorbachyov M.S. *Izbrannye rechi i stat'i. T. 4. M.: Politizdat, 1987. 511 s.*

7. Gordeev V. *Vpervye posle 1945 goda Yaponiya uzakonila ispolzovanie armii za rubezhom // RBK [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.rbc.ru/politics/19/09/2015/55fce87e9a79475559541ebc> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

8. Gubin A.V. *Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: ugrozy dlya Rossii // Problemy natsional'noj strategii. 2015. № 3 (30). S. 146–162.*

9. Gubin A.V., Sinenko I.YU. *Severo-Vostochnaya Aziya na poroge novogo vitka gonki vooruzhenij // Ojkumena: regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 4 (27). С. 75–83.*

10. Zolotova M. *Энергомост из России в Страну восходящего солнца // Gazeta Trud [Электронный ресурс]*. URL: http://www.trud.ru/article/15-11-2015/1331009_energomost_iz_rossii_v_stranu_vosxodjaschego_solntsa.html (дата обращения: 15.01.2016 г.).

11. Kim Tkheh KHvan. *Evrazijskaya initsiativa: idei i realii // The Future of the Northeast in the 21st century: from conflict to cooperation (mat-ly mezhd. konferentsii). – Vladivostok, 2014. S. 66–72.*

12. *Kitaj vol'yotsya v rossijskuyu ehnergosistemu // Gazeta Kommersant" [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2615293> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

13. *Kommentarij k sobytijam na Korejskom poluostrove // Institut istorii, arkhologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Электронный ресурс]*. URL: <http://ihaefe.org/news/3806> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

14. *Kravchenko L. Экономические санкции против России: вызовы и угрозы // TSentr nauchnoj politicheskoy mysli i ideologii [Электронный ресурс]*. URL: <http://rusrand.ru/events/ekonomicheskie-sanktsii-protiv-rossii-vyzovy-i-ugrozy> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

15. *Lavrov S.V. Uroki istorii i novye rubezhi // Rossijskaya gazeta [Электронный ресурс]*. URL: <http://rg.ru/2015/08/23/uroki.html> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

16. *Merkel': Rossiya narushila poslevoennyj miroporyadok v Evrope // Deutsche Welle [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.dw.com/ru/merkel'-rossiya-narushila-poslevoennyj-miroporyadok-v-evrope/a-18209533> (дата обращения: 15.01.2016 г.).

17. Moskalenko YU. Dal'nij Vostok kak vyzov // Novaya gazeta. 2015. № 103. S. 54.
18. Novoe pozitsionirovanie RF v global'nom khozyajstve / Fond «Institut sovremennogo razvitiya». M., 2015, 127 s.
19. Pestsov S.K. Vneshnopoliticheskij povorot Rossii: kuda vedyt novaya doroga? // Vostochnyj vektor rossijskoj politiki i ego politicheskoe i ehkonomicheskie posledstviya: materialy kruglogo stola ot 17 marta 2015 g. / pod red. V.L. Larina // U karty Tikhogo okeana. Informatsionno-analiticheskij byulleten', 2015. № 38 (236). S. 9–14.
20. Pozen B. Umerit' pyl // Rossiya v global'noj politike. 2013. T. 11. № 1. S. 116–129.
21. Savchenko A.E. Pochemu programmy razvitiya Dal'nego Vostoka ne rabotayut? // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshensk – KHehjkheh – KHarbin, 14–19 maya 2014 g.). Vyp. 4 / Otv. red. D.V. Buyarov i D.V. Kuznetsov. Blagoveshensk: Izd-vo BGPU, 2014. 634 s.
22. «Sdelka veka»: Rossiya i Kitaj podpisali krupnejshij gazovyj kontrakt // Pervyj Kanal [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/259328> (data obrashheniya: 15.01.2016 g.).
23. Sevast'yanov S.V. Konkurenciya kitajskikh i amerikanskikh proektov regionalizma i printsipov ikh realizatsii v ATR // Konkuriruyushhie modeli i sovremennye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma / nauch. red. S.V. Sevast'yanov; pod obshh. red. A.B. Volynchuka. – Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t : Dal'nauka, 2014. S. 296–318.
24. Sevast'yanov S.V. Modeli regionalizma i regionalizatsii Vostochnoj Azii. – Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchyonoj stepeni doktora politicheskikh nauk / MGIMO, Moskva, 2009.
25. Strel'tsov D.V. Vneshnopoliticheskie prioritety YAponii v ATR / MGIMO (U) MID Rossii. M.: Nauka. Vost. lit., 2015. 279 s.
26. YAponiya podpisala memorandum o roste postavok rossijskogo zerna do 5 mln tonn // TASS [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1058009> (data obrashheniya: 15.01.2016 g.).
27. Keck Z. Amid Ukraine Crisis, Russia Pursues Energy Deals With Asia // The Diplomat [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://thediplomat.com/2014/03/amid-ukraine-crisis-russia-pursues-energy-deals-with-asia> (data obrashheniya: 15.01.2016 g.).
28. Luttwak E. The Rise of China vs. the Logic of Strategy. Cambridge. The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 310 p.
29. National Defense Program Guidelines for FY 2011 and beyond // Japan Ministry of Defense [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (data obrashheniya: 15.01.2016 g.).